

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Иван Грозный

<Отрывок>

<...>

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Каково место Ивана Грозного в истории? Можно ли согласиться с тем, что перемены, происшедшие в его правление, столь глубоко повлияли на отношения между государственной властью и дворянством, что определили «на долгие времена и характер русской государственности, и характер русского общества не только в эпоху средневековья»? Действительно ли русские сословия, включая аристократию, сформировались как сословия служилые во многом благодаря политике Ивана IV?

Выводы такого рода требуют серьезных уточнений. Боярство трансформировалось в служилое дворянское сословие благодаря поместной системе и превращению государственной формы собственности в господствующую форму землевладения. Но поместная система сформировалась не при Иване IV, а при его деде Иване III и отце Василии III. Что касается превращения родовой аристократии в служилую, оно завершилось длительное время спустя после смерти Грозного.

Благодаря вмешательству Ивана IV, как полагают, был оборван наметившийся в середине XVI в. процесс формирования «сословного общества» — процесс, который мог бы сблизить общественный строй России с общественными порядками других европейских

стран, в первую очередь ее ближайших соседей. Так ли это? Задача историка заключается в том, чтобы установить подлинные факты и объяснить, что произошло в действительности.

Царь Иван всю жизнь воевал со своей знатью. Он пролил потоки крови, чтобы подорвать ее влияние. Эта цель стала едва ли не главной целью его жизни. События, последовавшие после его кончины, показали, что террор ослабил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Грозный расколол дворянское сословие, чтобы добиться неограниченной власти. Но воздвигнутое им здание оказалось непрочным. Понадобились считанные недели, чтобы оно рухнуло. Крушение не было следствием заговора злокозненных бояр. Крамолу затеяли дворовые люди.

В конце Ливонской войны за рубежом распространились слухи о том, что в Москве со дня на день может вспыхнуть мятеж и что царь Иван взят под стражу боярами, а дворянство волнуется. Слухи были преждевременными. Но «бунташное» время на самом деле стучалось в двери.

Писатели, пережившие Смуту, любили вспоминать тишину и благоденствие, снизошедшие на страну в правление Федора. Бедствия Смуты заслонили в их глазах многочисленные возмущения, которые потрясли государство до основания при сыне Ивана IV.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский арестовал Афанасия Нагова и спешно выслал его из Москвы. Его действия получили полное одобрение руководителей «двора» и земской думы.

Пока жив был Грозный, знать, принятая на «дворовую» службу, мирилась с тем, что реальная власть находилась в руках «худородных» думных дворян. С кончиной государя борьба за власть парализовала «дворовое» руководство. Главным соперником Бельского стал популярный в народе воевода-регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского, находившегося в Пскове и спешно выехавшего в столицу.

Распри дворовых чинов подтолкнули земщину к энергичным действиям. Земский казначей Петр Головин затеял местническую тяжбу с Бельским. При Грозном земские дворяне пуще огня боялись тягаться с опричниками и «дворовыми» чинами. Теперь же вызов правителю бросил человек, имевший низший думный чин.

Судьи, вершившие дело, столкнулись с трудностями, из-за чего тяжба затянулась. Бельский «слался» на «дворовые» службы, Головин — на земские. Соединить две иерархические «лестницы»

было затруднительно. На стороне Головина выступили князья Мстиславский с сыном, младшие Шуйские, Голицыны, а также Романовы и Шереметевы. За Бельского вступились Трубецкие и Годуновы вместе с «худородным» Андреем Щекаловым из земщины. Годуновы говорили от царского имени. Но Федор еще не был коронован. В России наступило междуцарствие.

Местнический спор, как все понимали, имел принципиальное значение. Если бы Бельский проиграл тяжбу, под ударом оказались бы не только Годуновы, но и весь «двор».

Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «преки» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоромах.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского. Без санкции на то старших регентов он ввел в Кремль «дворовых» стрельцов и расставил их в воротах и на стенах. Правитель тайно обещал им великое жалованье и убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы.

Великие бояре разъехались по своим дворам на обед. Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать «двор» и опричнину так, как держал его отец. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но в дело вмешался народ.

Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!» На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины «и иных городов дети боярские». Волнения не были следствием боярского заговора. Мятеж затеяли боярские холопы, которых подержали посадские люди и провинциальные дворяне. «Дети боярские на конех, — записал современник, — многие из луков на город стреляли». Об участии в беспорядках знати и московских дворян источники молчат.

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и поворотили большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону

замка. Толпа требовала выдать на расправу любимцев Грозного — Бельского и Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади остались лежать до 20 убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, — повествует летописец, — меж собою примирились в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

Прошло немного времени, и почти все думные дворяне были лишены думных чинов. По случаю коронации Федора Боярская дума широко распахнула двери перед высшей знатью.

Власть перешла в руки регентов боярина Никиты Романова и князя Ивана Шуйского. В 1585 г. Романова хватил удар. Его место занял Борис Годунов, получивший титул конюшего. Романова беспокоило будущее молодых сыновей, и перед кончиной он искал союза с Годуновыми. Ближайшая родня Федора должна была объединиться, чтобы закрепить трон за недееспособным государем.

Под нажимом бывших «дворовых» чинов — Годунова, с одной стороны, и Шуйского — с другой, — главный регент удельный князь Иван Мстиславский подал в отставку и постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Главным условием отставки была передача удела сыну князя Ивана.

Вельможам была ненавистна самая память о Грозном. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал их поведение. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...». Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

Грозный пуще огня боялся, что бояре составят заговор и отстранят от власти его наследника. Так и случилось, но дело обошлось без заговоров. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вер-

нула прерогативы, утраченные ею в опричнину. В стране установилось боярское правление.

Бояре провели общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет, — писал Джером Горсей, — получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Горсей пользовался доверием Грозного, ему покровительствовал Годунов. Англичанин наблюдал перемены своими глазами. В его рассказе особого внимания заслуживает упоминание о давних тюремных сидельцах. Несложный арифметический подсчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатным лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового вотчинного землевладения был открыт.

Возврат вотчин, незаконно отнятых в казну при Грозном, означал восстановление законности и правопорядка в Русском государстве. Однако новые правители использовали момент в своих интересах. Ссылки Грозного на то, что уже его дед и отец особым Уложением воспретили раздавать крупные вотчины боярам, были преданы забвению. При Иване IV фонд казенных земель пополнился за счет боярских вотчин. Теперь бояре спешили вернуть свои земельные богатства.

После казни боярина Александра Горбатого его богатейшая вотчина, село Лопатниче, перешла в казну. Царь специально упомянул о ней в своем завещании, приказав передать ее царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колене с князьями Суздальскими. Тем не менее регент князь Иван Шуйский сумел получить из казны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные доходы. Князь Дмитрий Иванович Шуйский, младший брат будущего царя Василия, получил с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами.

Бояре Романовы преуспели в стяжании не меньше Шуйских. В их руки перешли на вотчинном праве Романове Городище, городок

Скопин и другие земли. В 1613 г. сыну регента Никиты Романова Ивану принадлежали 13 тысяч четвертей пашни в трех полях «старых вотчин», то есть вотчин, принадлежавших его отцу.

При Грозном немало черносошных земель было роздано в поместье дворянам. При боярском правительстве расхищение приобрело несравненно более широкие масштабы. Теперь их использовали не для пополнения поместного фонда, а для пожалований боярской аристократии.

Боярин князь Федор Скопин-Шуйский получил в жалование Каргополь. Конюший Борис Годунов и его семья, как подчеркивал Горсей, получили Важскую землю. Указание на семью свидетельствовало, что Годуновы стремились превратить Вагу в свое наследственное владение. Важская земля занимала огромную территорию и включала множество сел и деревень.

Джером Горсей, описывая состояние России после смерти Грозного, обронил следующее многозначительное замечание: «Владения этого государства так пространны и обширны, что они необходимо должны распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением...»

Крушение сильной власти при отсутствии прочных экономических связей между землями действительно создавало угрозу распада Русского государства. Однако в конце XV и в начале XVI в. государственная земельная собственность, приобретя господство, стала своего рода цементирующим составом, скрепившим государство единой военно-служилой системой. Начиная со времени Смуты второй четверти XIV в. удельные княжества возрождались при каждом новом монархе, а затем безжалостно уничтожались. Угроза возрождения удельной системы при Федоре была нейтрализована думой.

Политические воззрения Грозного были пронизаны аристократическими предрассудками в такой же мере, как и взгляды его знати. Если бы царские распоряжения, выраженные в его опричном завещании и призванные укрепить шатающийся трон, были исполнены, младший царевич получил бы удельное княжество, включавшее Суздаль, Ярославль и Кострому.

Царское завещание не оставляло сомнений в том, что Грозный ставил интересы династии превыше всех прочих интересов. Но боярское правительство не допустило возрождения удельной системы в крупных масштабах.

Своей вдове Анне Колтовской самодержец предполагал выделить древний Ростов, а возможному сыну от нее — Углич, Верею, Малый

Ярославец, Кашин, Устюжну. Неизвестно, какую метаморфозу претерпело это распоряжение в последнем завещании монарха. Регенты передали вдове Грозного царице Марии, а вместе с нею и ее сыну Дмитрию один лишь город Углич. Можно полагать, они не выполнили наказа царя. Никто более не считался с завещанием монарха. Само духовное завещание бояре уничтожили.

Московские власти с помощью всевозможных ухищрений вернули в Россию племянницу Грозного Марию, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого. Вдове ливонского короля Магнуса обещали, что она займет в России достойное положение в соответствии с ее царским происхождением. Переговоры с ней вел Горсей, который называл королеву «ближайшей наследницей московского престола». В России Марии действительно пожаловали земли, стражу и слуг. Но жила она в пожалованном «уделе» очень недолго. По воле боярского правительства она и ее дочь были вскоре же заточены в монастырь.

При участии царя Ивана Боярская дума провела в середине XVI в. реформы и создала систему приказов, в недрах которых зародилась российская бюрократия. В период опричнины в думе сформировались курии думных дворян и думных дьяков. Боярская дума стала ядром нового в русской истории учреждения — Земского собора, органа сословного представительства, которому суждено было сыграть важную роль в годы Смуты.

История России в XVI столетии поражает своими контрастами. Покончив с ордынской властью, Русское государство подчинило татарские ханства в Поволжье и нанесло тяжелое поражение Крымской орде, служившей бичом в руках турок. Значение русских побед определялось тем, что турки уже утвердились на Балканах и в Причерноморье и тень турецкой экспансии нависла над всей Восточной Европой.

Россия проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь, завязала торговые отношения с Западной Европой по северным морям, а затем по Балтике. Однако попытка прочно утвердиться на берегах Балтийского моря привела страну к тяжелому поражению в Ливонской войне.

В XVI в. Россия достигла огромных экономических успехов и пережила великое разорение. Итогом явилось запустение старых центров и начало освоения плодородных земель на вновь присоединенных окраинах. Подъем ремесла и торговли сменился в конце века упадком. Вместе с самодержавным строем в России народились крепостнические порядки.

Царь Иван заслужил проклятия боярской знати и земского дворянства. Низы, задавленные непомерными налогами, также не имели причин любить самодержца. Но казни бояр заронили в душу народа убеждение в том, что царь может защитить народ от притеснений «лихих бояр». Это убеждение наложило печать на лозунги кровавых бунтов XVII в. Зачинщики бунтов выступали за доброго царя и против «лихих бояр» со времен Смуты.

В источниках XVI в. прозвище «Грозный» не встречалось. Скорее всего, царь Иван получил его, когда стал героем исторических песен.

Фольклорный образ великого государя сформировался, можно думать, в период Смуты. Опричный террор унес жизни нескольких тысяч людей, гражданская война начала XVII в. — сотни тысяч жизней, а может быть, и больше. Страна обезлюдела. В деревнях подавляющая часть пашни запустела.

В обстановке неслыханных бедствий время царя Ивана стали вспоминать как эпоху могущества Российской державы, ее процветания и величия. Кровавые и темные дела были забыты.

Перевод «Иван Страшный» или «Иван Ужасный» очевидным образом искажает смысл прозвища. В представлении людей того времени «гроза» символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блистательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей.

Правление Ивана Грозного оставило глубокий след в истории русского средневековья.

